

Концепт "агрессия" в биологических и социальных системах

Слугина Л.Б., Попова Р.Р.

Аннотация: в статье критически исследуются наиболее известные философско-психологические подходы к рассмотрению концепта агрессии в биологических и социальных системах с целью предложить новое понимание и трактовку. Показано, что в большинстве исследований агрессия анализируется в аспекте морально-этической дихотомии добра и зла и рассматривается как негативный феномен, что представляет собой узкую трактовку, ограничивающую возможности понимания агрессии, ее значение в жизни различных сообществ и способы ее регуляции. В статье предлагается использовать подход, основанный на принципах феноменологии, полисемичности и герменевтики, представляющий агрессию как целостный феномен, имеющий процессуальный, динамический характер. Агрессия определяется авторами как действие, направленное на другого (на среду), и, таким, образом, подчеркивается более объемное ее понимание. Модель разворачивания агрессии, предложенная авторами, носит динамический, фазовый характер и описывает этапы агрессии от формирования намерения до ассимиляции нового опыта. Достоинством статьи является как определение агрессии, данное авторами, так и рассмотрение содержания этапов агрессивного действия в их позитивном и негативном контексте.

Ключевые слова: агрессия, действие, фазы (этапы) агрессии, феноменология, полисемичность, герменевтика.

The concept of aggression in living systems and frames of society

Abstract: The concept of aggression in living systems and frames of society.

The purpose of the article is to give the reader critical review of the most prominent philosophical and psychological approaches to study the concept of aggression in living systems and the frame of society to provide new comprehension of it. It is shown that in majority of researches aggression is analyzed in terms of moral and ethical dichotomy of 'good and evil' and discussed as a negative phenomenon. It is spoken in detail how this point of view limits the possibilities to comprehend aggression, ways of its control and regulation and the importance of aggression in life of different frames of society. The approach based upon principals of phenomenology, polysemous and hermeneutics is proposed; this approach represents aggression as a complete phenomenon which has processual and dynamic character. The definition of aggression as an action directed to the other (to the environment) as well as the dynamic phase model of its unfolding is given by authors for more complete comprehending of aggression. Attempts are made to analyze stages of aggression and formulate their contents from forming the intention until assimilation the new experience. The advantages of the article are both the definition of aggression given by authors and consideration the content of the stages of aggression in their positive and negative context.

Key words; aggression, action, the phases of aggression, phenomenology, polysemous, hermeneutic.

Проблема агрессии является одной из наиболее актуальных и широко изучаемых в различных науках. К понятию «агрессия» обращаются психологи, социологи, биологи, антропологи, философы, юристы, политологи, журналисты, педагоги, медики и так далее. Большой интерес к данной теме связан, в первую очередь, с тем, что в природе и в человеческой жизни всегда были и будут ситуации нападения, уничтожения одним живым существом другого живого существа. На протяжении всей человеческой истории в любом обществе есть место напряжению, столкновению и конфликту. Проникновение в природу агрессии снабжает исследователя инструментами для ее своевременной диагностики, регуляции и контроля. Именно поэтому сохраняющаяся актуальность данной темы побуждает ученых в разных областях науки вновь и вновь обращаться к

изучению феномена, анализировать его истоки, природу, механизмы, определять место агрессии в ряду других явлений биологической и социальной жизни.

В большинстве исследований агрессия рассматривается как негативный феномен. С нашей точки зрения, это

узкая трактовка, которая ограничивает возможности понимания агрессии, ее значение в развитии организма и сообщества, ее регуляции.

В данной статье мы хотели бы рассмотреть философские и психологические аспекты агрессии и, сопоставляя различные подходы, представить агрессию как более целостный феномен, имеющий процессуальный, динамический характер, как неотъемлемую часть биологической и социальной жизни и условие ее существования.

В своей монографии, посвященной проблеме агрессии, один из исследователей данного феномена Х. Хекхаузен пишет, что в обыденном языке слово "агрессия" означает множество разнообразных действий, которые нарушают физическую или психическую целостность другого человека (или группы людей), наносят ему материальный ущерб, препятствуют осуществлению его намерений, противодействуют его интересам или же ведут к его уничтожению [1, с. 485].

Прямая связь между понятиями «агрессия» и «ущерб», «агрессия» и «нападение» прослеживается в других многочисленных определениях. Так, например, современный толково-словообразовательный словарь Т.Ф. Ефремова дает нам толкование агрессии как: 1) незаконного применения силы одним государством против другого, вооруженного нападения одного государства на другое с целью захвата территории, ликвидации независимости и т.д. (в международном праве), 2) склонности к нападению, наступлению на кого-либо [2].

Близкими к данной трактовке являются определения, которые можно найти в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [3], в толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова [4], в современном толковом словаре русского языка [5].

Появляясь в научном пространстве около века назад, понятие «агрессия» сразу оказывается вписанным в систему координат, ориентированную на моральные ценности общества.

Уже обзор зарубежных работ двадцатилетней давности по проблеме агрессии и агрессивного поведения, выполненный в монографии Р. Бэрн и Д. Ричардсон (2001) [6], ярко отражает эту позицию. Они, в частности, заключают, что несмотря на значительные разногласия относительно определения агрессии, большинством специалистов она рассматривается как «любая форма поведения, нацеленная на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [6, с.26].

Много общего с описанным подходом прослеживается и в современной Российской научной традиции. В частности, С.Н. Ениколопов понимает под агрессией «целенаправленное деструктивное и наступательное поведение, нарушающее нормы и правила сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным или неодушевленным), причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и другие)» [7, с.64].

Нормативный подход в определении агрессии использует Т. Р. Румянцева [8], Л.И. Дементий, В.Е. Купченко [9]. Последние в учебном пособии, посвященном проблеме агрессии отмечает, что «агрессию как феномен следует оценивать не только резко отрицательно. В некоторых случаях ... агрессивные действия можно обозначить как энергично наступательные и дать им положительную оценку». И далее там же: «положительная роль агрессии по отношению к человеку заключается в организации психического функционирования индивида и в придании динамизма его действиям» [9, с.14]. Вместе с тем, при оценке поведения агрессивным они считают

важным ориентироваться на социальные нормы. Именно нормы, по их мнению, должны формировать соответствующий механизм контроля за теми или иными агрессивными действиями.

Беря моральные, нормативные аспекты действий за отправную точку, исследователи дифференцируют виды агрессии. Например, А. Басс [10] различает виды агрессии на основе характеристик агрессивного действия: 1) физическое – вербальное, 2) активное – пассивное, 3) прямое – косвенное. С. Фешбах [11] дифференцирует агрессивные проявления по их мотивации. Он различает враждебную агрессию, цель которой причинить другому неприятные ощущения, и инструментальную агрессию, при которой агрессивное действие является способом решения проблемы, и экспрессивную агрессию, которая является формой выражения себя.

Очень ярко нормативный подход в понимании феномена агрессии представлен в исследованиях Д. Зиллмана, который для анализа агрессии использует в качестве критерия позицию агрессора по отношению к жертве и их взаимоотношения по схеме «стимул — реакция». В результате Д. Зиллман описывает восемь видов агрессии: наступательную — когда пострадавший изначально не применял насилия по отношению к агрессору; защитную — в ответ на применение насилия; ответную — нанесение повреждений с целью отомщения; спровоцированную — провокация к нападению, за которой последовали агрессивные действия; неспровоцированную — агрессивные действия нападающего, не вызванные никакими поступками жертвы; агрессию, вызванную раздражением; побудительную — агрессивные действия, вызванные внешней стимуляцией; санкционированную — агрессивные действия, служащие социальным нормам и не выходящие за их рамки [7, с.65].

Сложности в понимании агрессии во многом связаны с тем, что феномен агрессии одинаково актуален для биологических и социальных систем, а сами агрессивные проявления располагаются в огромном диапазоне, где в равной мере присутствуют нападения с летальным исходом и без опасности для жизни, столкновения, которые носят мотивированный и случайный характер, происходят на организмическом, личностном или социальном уровне взаимодействия, имеют разный масштаб.

В попытке осмыслить феномен «агрессии» ученые стремились создать теории, которые объясняли бы всю палитру агрессивных проявлений в «животном» и в «человеческом» мире. В своей монографии Х. Хекхаузен [1] группирует имеющиеся теории в три подхода: теории влечения (инстинкта), фрустрационная теория и теория социального научения.

В теориях влечения агрессия представляет собой некую неизбежную силу, имманентно присущую человеку. Одним из основоположников такого видения был З.

Фрейд. Первоначально он придерживался двух представлений: относил агрессию к инстинкту самосохранения, называя его «инстинктом Я», и противопоставляя сексуальному инстинкту и рассматривал агрессивность как часть сексуального влечения [12]. Впоследствии, он объединяет инстинкт сексуальности и инстинкт самосохранения в единое первичное влечение к жизни (Эрос), противопоставляя его инстинкту смерти (Танатос) [13]. По мнению З. Фрейда, все человеческое поведение является результатом сложного взаимодействия этих инстинктов и между ними существует постоянное напряжение. Агрессивное поведение, берущее начало из «встроенного» в человека инстинкта смерти, таким образом, и врожденное, и неизбежное, поскольку, не будучи обращенной вовне, энергия Танатоса может привести к разрушению самого индивида. И наоборот, внешнее проявление эмоций, сопровождающих агрессию, может вызвать разрядку разрушительной энергии и уменьшить вероятность более опасных действий. Цель инстинкта самосохранения по З. Фрейду – осознание реальных опасностей, необходимое для выживания, для защиты жизненно важных интересов.

«Живое существо, так сказать, сохраняет свою собственную жизнь, разрушая чужую...» [14]. Сдерживание агрессии в целом является вредным для здоровья и ведет к заболеванию (подавлению).

Другой представитель психоаналитического подхода, С. Шпильрейн, говоря об изначальной природе человеческой деструктивности, выдвинула следующую идею – чтобы создать новое, надо разрушить то, что ему предшествовало, иными словами, во всяком акте созидания содержится процесс разрушения [15]. И, следовательно, влечение к смерти является неотторжимой сущностью влечения к жизни. В концепции А.

Адлера такие базовые влечения как соревновательность, борьба за первенство, стремление к превосходству – полагаются универсальным свойством живой материи [16]. Агрессивное поведение в различных формах является, по мнению Адлера, следствием (порождением) агрессивного сознания. В различных психоаналитических исследованиях агрессия рассматривается как стратегия преодоления тревоги контакта с внешним миром (К. Хорни, [17]), как форма устранения тревоги через своеобразное присвоение качеств противника - «идентификацию с агрессором» (А. Фрейд, [18]), как садистические побуждения у ребенка на ранних этапах формирования объектных отношений (М. Кляйн, [19]), как компонент депрессии (К. Абрахам [20]) и так далее.

Помимо представителей психоанализа теории влечений придерживаются теоретики-эволюционисты, в частности, К. Лоренц. Согласно К. Лоренцу агрессивное поведение присуще всем животным, включая человека, оно берет свое начало из врожденного инстинкта борьбы за выживание, который развился в ходе длительной эволюции. В пользу такого предположения свидетельствуют три его важные функции. Во-первых, борьба рассеивает представителей видов на широком географическом пространстве, и, тем самым, обеспечивается максимальная утилизация имеющихся пищевых ресурсов. Во-вторых, агрессия помогает улучшить генетический фонд вида за счет того, что оставить потомство сумеют только наиболее сильные и энергичные индивидуумы. Наконец, сильные животные лучше защищаются и обеспечивают выживание своего потомства [21].

Для понимания динамики агрессии им используется «гидравлическая модель»: агрессия со временем накапливается и нуждается в разрядке, чем больше накопленный импульс, тем менее слабый стимул нужен для актуализации агрессивного поведения. К. Лоренц выделяет различные механизмы регулирования агрессии (смещение, ритуализацию, инфантильное поведение и другие) и делает попытку описания усложнения агрессивного поведения в различных социальных структурах в животном мире (анонимная стая, клановые сообщества, стабильные пары и так далее) [21].

Предложенная К. Лоренцом идея о постепенном развертывании агрессивного поведения легла в основу теории приматолога М.А. Дерягиной и антрополога М.Л. Бутовской и представлена в следующей модели этапов агрессивного поведения: агрессивно-предупредительный (пристальный взгляд, полуоскал, напряжение мышц, принятие видоспецифических амбивалентных поз защиты и нападения и др.), агрессивно-конфликтный (увеличение амплитуды движений, уменьшение индивидуального расстояния, вокальные демонстрации) и агрессивно-контактный (удар, бросок, укус, драка) [22].

Еще одним представителем теории влечений является В. Мак-Дауголл. Он, пытаясь объяснить формы поведения человека, предлагает перечень инстинктов, которые, «будучи актуализированными, порождают активную тенденцию, стремление (striving), импульс или влечение (drive) к некоторой цели» [цит. по 23]. Позже он сменяет понятие «инстинкт» на понятие «склонность», почти сохраняя прежний смысл. В. Мак-Дауголл включает агрессию в перечень 12 выделенных им инстинктов как инстинкт агрессивности. В последствие инстинкт агрессивности звучит у него как «предрасположенность к гневу» – «негодование и насильственное устранение всякой помехи или препятствия, мешающих свободному осуществлению любой другой тенденции» [цит. по 23].

Работа В. Мак-Дауголла предвосхищает собой фрустрационную теорию Дж. Долларда, в которой фрустрация и агрессия выступают уже как два неизбежных и взаимообуславливающих процесса: фрустрация, возникающая в результате помех при удовлетворении потребности, влечет за собой агрессию, и агрессия, по мнению автора теории, есть неизбежное следствие фрустрации[24].

Тем не менее, автор не связывает состояние фрустрации исключительно с проявлениями открытой агрессии. По его мнению, будучи фрустрированным, человек может испытывать латентное агрессивное состояние, которое можно обозначить как «провоцирование». Агрессия в таком случае может не выражаться из-за страха последующего наказания, которое, таким образом, выступает в качестве сдерживающего механизма, смещая агрессию на другие цели. Длительная фрустрация, тем не менее, провоцирует выражение агрессии, что вызывает эффект катарсиса, суть которого в том, что в результате освобождения возбуждения или накопившейся энергии через физическое или эмоциональное выражение негатива снижается уровень напряжения, достигается психологическое равновесие и готовность к агрессии ослабляется[24].

Позже фрустрационная теория была пересмотрена Н. Миллером, который вместо жесткой связи «фрустрация-агрессия»/«агрессия-фрустрация» предложил более гибкую форму взаимосвязи этих процессов, предположив, что фрустрация создает побуждения к разного типа реакциям, одно из которых – побуждение к какой-либо форме агрессии (Miller, 1941). В результате эмпирической проверки фрустрационной

теории Л. Берковитцем и А. Бандурой была предложена концепция о происхождении агрессии в результате социального научения. Л.

Берковиц разделяет побудительный компонент (гнев) и раздражитель, запускающий реакцию. Гнев возникает как реакция на фрустрацию, но, превратится ли гнев (фрустрация) в агрессию, будет зависеть от средовых стимулов и выработанной привычке к таким проявлениям. Агрессия, по мнению Л. Берковитца –

это функция сложного взаимодействия между врожденными склонностями и усвоенными реакциями. Понятие «агрессия» определяется им как «любая форма поведения, которая нацелена на то, чтобы причинить кому-то физический или психологический ущерб» [25, с. 4]. Критикуя более широкий взгляд на агрессию, он относит такое понимание агрессии к «ассертивности»: «Эта концепция агрессии настолько широка, что включает в себя вообще все, что обозначается в нашей культуре словом «агрессия». Поскольку ассертивность часто называется словом «агрессия» — как, например, когда мы говорим об «агрессивном продавце», который настойчиво и энергично старается продать товар, — понятие агрессии по такой логике должно включать и ассертивность вместе со всеми другими формами энергичного и решительного поведения...» [там же].

Сходной точки зрения придерживается А. Бандура, он так же не рассматривает гнев как необходимое и достаточное условие для возникновения агрессии. Анализируя агрессивное поведение в рамках теории социального научения, А. Бандура отмечает три момента, влияющие на возникновение агрессии: путь усвоения агрессивной модели поведения, провоцирующие факторы и условия, при которых данная модель поведения закрепляется [26]. Таким образом, с точки зрения теорий социального научения, формирование агрессии (как поведения, направленного на причинение ущерба) происходит в социальной среде в процессе социального научения.

Роль социальных факторов в развитии агрессии и необходимость их исследования подчеркивает Э. Фромм. Однако в отличие от Л. Берковица и А. Бандуры он рассматривает агрессию как более широкое понятие, охватывающее диапазон феноменов от активности и самоутверждения до деструктивности, различая доброкачественную и злокачественную агрессию. Доброкачественная агрессия, по его мнению, присуща как человеку, так и животным и не имеет в своей основе намерения причинить ущерб, а способствует физиологическому выживанию: может носить оборонительный или приспособительный характер, может быть непреднамеренной и/или способствовать

самоутверждению. Говоря об агрессии самоутверждения, Э. Фромм подчеркивает, что люди, способные беспрепятственно реализовывать агрессию самоутверждения, ведут себя гораздо менее враждебно, чем те, у кого отсутствует это качество целеустремленной наступательности [27]. Злокачественная агрессия не связана с сохранением вида, свойственна только человеку и охватывает широкий круг деструктивных явлений.

Как мы видим, каждая теоретическая позиция представляет свое понимание природы агрессии. Агрессия, в частности, рассматривается как инстинктивная разрушающая сила (З. Фрейд), или как инстинкт, способствующий выживанию вида (К. Лоренц), как инструмент социальной коммуникации, форма которого зависит от социального научения (Л. Берковиц и А. Бандура), или как широкий диапазон проявлений биологической и социальной природы от активности до деструктивности (Э. Фромм). Теории, вступая в противоречие друг с другом, в сущности, спорят по поводу основного вопроса: является ли агрессия «плохой», «вредной», то есть направлена ли она на причинение ущерба или имеет какие-то другие цели. Таким образом, у исследователя появляется выбор: следовать узким коридором, исключая все, что не подлежит определению, или допустить, что поле понятия «агрессия» более широкое и феномены, объединенные этим понятием каким-то образом связаны между собой.

В современном научном мире первая точка зрения является доминирующей практически во всех социальных, философских и юридических науках. Использование четкой конкретной дефиниции для понятия агрессии обусловлено с точки зрения регуляции человеческих отношений в обществе, такое определение агрессии становится базисом для решения, например, юридических конфликтов или истолкование поведения с позиции морали, тем самым обосновывая воспитательные подходы и воздействия. В этом случае узкое понимание агрессии вполне оправдано. Однако узость такого определения влечет за собой целый ряд ограничений. Во-первых, агрессия становится феноменом, имеющим отношение только к человеческому существованию, поскольку сложно предположить наличие у биологических организмов в природе сознательного намерения причинения ущерба. Вместе с тем, и это во-вторых, человек, большую часть своей жизни проводя в социальной системе, все же по природе своей принадлежит и биологическому миру. Следуя узкой трактовке понятия агрессия, мы теряем целостность в восприятии человека и дуальности его, как социального и биологического существа. В-третьих, такое определение подспудно указывает на субъект-объектный характер отношений в ситуации агрессии, то есть изначально предполагает исключенность одного из участников как активного во взаимодействии. Сама формулировка «причинение ущерба другому» указывает на то, что активный субъект воздействует на другого как на объект, то есть между ними отсутствует взаимодействие и диалог.

Что же мы получаем, выбирая второй, более широкий подход к пониманию агрессии? На первый взгляд, объединение в единое понятие очевидно связанных феноменов таких как – ассертивность у Л. Берковица, агрессия самоутверждения у Э. Фромма, позиция агрессора и жертвы у Д. Зиллмана, А. Фрейд, приводит к некоторой запутанности и хаотичности. Это намного усложняет решение конкретных практических задач, поскольку появляется необходимость в каждой конкретной ситуации исследовать связи между разными явлениями, объединенными в одном смысловом поле. Анализ научных работ показывает, что авторы традиционно разводят понятия агрессии и ассертивности, в частности Л. Берковиц настойчиво противопоставляет их (см. выше), упуская из рассмотрения еще такую позицию как позиция жертвы.

Однако, если мы рискнем соотнести эти понятия между собой и попытаемся выстроить связи между ними, у нас, во-первых, появляется возможность понять, как агрессия самоутверждения превращается в агрессию причинения ущерба, как агрессия, сопровождающаяся появлением жертвы, становится злокачественной, как

можно взаимодействовать с жертвой или с агрессором, чтобы трансформировать их агрессию в доброкачественную и так далее.

Во-вторых, у нас появляется возможность рассматривать агрессию с точки зрения субъект-субъектного взаимодействия, переводя традиционное понятие «ущерб» в иную систему координат: не просто определяя ущерб путем внешней (моральной) оценки, а через совместное оценивание и прояснение ситуации ее участниками.

В-третьих, это позволяет нам не отказываться ни от социальных, ни от биологических сторон человеческой жизни, возвращает понятие агрессии и в биологические системы. Исходя из выше сказанного, мы полагаем, что имеет смысл рассматривать агрессию как целостный феномен, уходя от морально-этической дихотомии нормативного подхода, раскрывая механизмы доброкачественной и злокачественной агрессии и показывая связь между

ними. Идея целостности в подходе к явлению или событию не нова, она присутствует в классической философии. В частности, у Аристотеля мы находим тезис - «целое больше, чем сумма его частей» [28]. Эта точка зрения представлена в современном научном знании в качестве холистической парадигмы при рассмотрении феноменов окружающего мира.

Холистическая мысль, сохраняя положительные стороны современной картины мира, заменяет

механическое и редуционистское на более органичное, снимает современное противоречие между мозгом и разумом, телом и психикой, предлагая системно-ориентированную более целостную и взаимосвязанную модель сознания (С. Криппнер, 1994) [29].

Холистическая парадигма перекликается с центральной идеей М.М. Бахтина – идеей диалога, в котором любое явление приобретает полифоническое звучание и полифонические

смыслы, устраняя однозначные оценки, возвращая место многокомпонентности и многополярности [30]. Подтверждение этому мы находим в словах М.М. Бахтина, когда он говорит о «бытии без отчуждения». Идея Бахтина – о невозможности отчуждения, «возвышенного» и «низкого» в культуре (так же как «плохого» и «хорошего» применительно к агрессии), так как два

этих антропологических начала тесно связаны между собой и составляют единое культурное и семантическое поле.

Соглашаясь с М.М. Бахтиным, мы можем продолжить его линию применительно к рассматриваемому нами понятию агрессия, признавая ее многополярность, неоднозначность в оценках и истолкованиях. Сочетаясь в единое

целое, феномены враждебности, защиты, самоутверждения, - входят как составные части в некое целостное смысловое поле. И, исходя из этого, мы полагаем неправомерность редукции агрессии к отдельным компонентам и частям и рассматриваем ее как явление, в котором соединены разные начала, создающие ту самую полифонию и многозначность.

Из признания полисемантической и целостности феномена агрессии неизбежной логичностью вытекает необходимость герменевтического подхода к данному явлению, то есть такого подхода, при котором любое явление интерпретируется многозначно или полисемично (а, например, не только исходя из существующей дихотомии смыслов). В.П. Самохвалов пишет,

что «полисемичность смысла формирует поле интерпретаций в которой существует своеобразие возвращение после каждой из интерпретаций к исходному знаку, символу, переживанию» [31, с.8]. Таким образом, очерчиваются круги интерпретаций, число которых, по мнению В.П. Самохвалова, зависит от задачи интерпретирующего, то есть того, кто описывает феномен.

Целостный подход кладется в основу синергетики, как достаточно новой формы научного мировоззрения, в котором целостность, присущая восточной философии, сочетается с

аналитичностью традиционного западного мышления. Синергетика делает возможным обнаружить некую общность между физическими, химическими и биологическими процессами, с одной стороны, и – с ментальными, культурными, социальными с другой, поскольку она исследует общие механизмы самоорганизации и саморегуляции любых систем. С точки зрения синергетики, нелинейные системы ведут себя как живые системы в том смысле, что их реакция на внешние воздействия зависит не только от величины этого воздействия, но и существенным, нелинейным образом от собственных свойств системы.

Таким образом, обнаруживается сходство взглядов на организацию и построение картины мира: идеи полисемантической и многополярности в диалоговой модели взаимодействия у Бахтина, идеи многополярности многозначности интерпретаций и феноменов человеческого поведения в герменевтике, объяснение мира и явлений в мире с точки зрения целостного подхода в синергетике.

Обращаясь к этим принципам применительно к нашему исследованию, мы полагаем возможным рассматривать агрессию как феномен, которому могут быть присущи разные значения, который в биологических и социальных системах может проявляться в разных формах, и соответственно может интерпретироваться с разных точек зрения.

Продолжая теоретическое исследование понятия агрессии, попробуем рассмотреть, какие же значения и соответственно формы проявления включает в себя это понятие с точки зрения его этимологии.

Слово «агрессия» восходит своим корнем к индоевропейской семье языков и сохраняется в греческом (*adgredi*) и латинском (*aggression*). В греческом языке приставка ‘ad-’ означает «к», «на», в латинском она преобразуется в ‘ag-’ с тем же значением. Греческий корень ‘gredi’ (в индоевропейском ‘ghredh’) означает «шагать», «наступать», «продвигаться». В русском языке этот корень можно обнаружить в словах «грядет» или «грянет» [2-4]. Этимологически близкими являются так же слова «прогресс», «регресс», «деградация». В отличие от них, в слове «агрессия» приставка ‘ad-’, ‘ag-’ при сохранении смыслового корня, выражающего движение, придает вектор, указывающий на приближение и движение к чему-то или кому-то.

В результате прояснения первоначального смысла понятия «агрессия», мы обнаруживаем, что агрессия представляет собой определенное действие, обращенное к другому, своего рода «движение навстречу». И если мы отталкиваемся от того, что «действие» и «движение» - это как раз те понятия, которые выступают как сущностные характеристики агрессии, то мы, безусловно, получаем очень широкий подход, позволяющий объединить под агрессией огромный пласт феноменов. С другой стороны, в исследовании агрессии мы решили идти путем герменевтического анализа, опираясь на принципы целостности и полисемичности. Попробуем взглянуть на понятие агрессия, исходя из его этимологического корня.

В философии «действие» определяется как некое первоначало, которое включает в себе самого себя (действие) и свое противоречие (противодействие) (ссылка). Лейбниц рассматривает действие как основу миропонимания и совершенства мира и достаточное основание его существования. У Аристотеля действие выступает как одна из важнейших категорий философии, определяющих и связывающих между собой причину и следствие. Разные философские школы подчеркивают универсальный и векторный характер действия, связь действия с намерением.

Психологически понятие действие основано на сознании внутреннего усилия, успешно направленного к известной цели. Те изменения, как в нашем собственном теле, так и во внешнем мире, которые обусловлены таким усилием, мы признаем своими действиями [32]. Действию присуще намерение, как внутренний план действия, во внешнем плане действие может реализовываться по-разному, принимая разные формы. Именно внешняя форма реализации намерения, обращенная к другому, и может затрагивать его. Таким образом, другой неизбежно становится участником данной

ситуации, создавая в ответ свою реакцию, которую можно обозначить как «действие-в-ответ» или в широком смысле противодействие: поскольку действие имеет векторную природу, то противодействие становится действием в ответ.

Здесь мы очень близко подходим к отечественной теории деятельности, согласно которой действие всегда имеет под собой некую цель и может быть реализовано в разных формах (операциях) с учетом конкретной

ситуации (А.Н.Леонтьев [33], С.Л.Рубинштейн [34]). Данная теория, описывая общий механизм развертывания действия, прописывает психические процессы человека.

Сходную позицию в понимании сущности агрессии можно встретить в работе В.А. Гельбер (2010), который в качестве элементарной «клеточки», из которой состоит агрессия, рассматривает бинарное образование «действие-противодействие» [35]. Данная позиция позволяет автору изучать агрессию как целостный процесс, в который включены все участвующие стороны. В своем диссертационном исследовании он предлагает следующие этапы развертывания агрессии [35, с. 102-104]:

0-я фаза – это «потенциальная фаза, которая лежит в мире возможностей, предвещающем реальный мир...». В данной фазе «...действие как элементарная единица существует лишь в возможности, но не в действительности...»;

1-я фаза – это стадия, где впервые проявляется противоречие. На этой фазе целостное свойство элементарной «клеточки» агрессии разворачивается, показывая две свои противоположные стороны: действие и противодействие. Противодействие представляет собой по сути действие, направленное на устранение или компенсацию предшествовавшего ему действия. По мнению В.А. Гельбер действие и противодействие появляются одновременно, образуя элементарную целостность и «логически «рождая» друг друга до их единства». Автор пишет: «Если в так называемой 0-й фазе мы еще не видим «дп», то в 1-й фазе мы наблюдаем раздвоение единого, которое приводится в движение благодаря взаимному переходу противоположностей, проявляющемуся во 2-й фазе уже в виде «пд» (противодействие воздействию);

2-я фаза – на этой фазе появляется противоположность первой фазе в виде элементарной целостности – противодействие воздействию;

3-я фаза - формируется другая элементарная целостность - «пп» (противодействие противодействию). В результате две силы, направленные друг на друга могут взаимно погасить друг друга, приводя всю систему в равновесие. Как отмечает В.А. Гельбер, «3-я фаза становления агрессии доказывает, что движение не замыкается на одной фазе, а имеет свое диалектическое разрешение в следующих фазах становления, обогащаясь, таким образом, опытом предыдущих взаимопревращений».

4-я фаза – есть фаза становления последнего взаимодействия, вытекающего из диалектического разрешения противоречия «пп» (противодействие противодействию) 3-й фазы. На 4 этапе меняется характер взаимодействия, то есть действия каждой из сторон направлены не на то, чтобы уничтожить или компенсировать друг друга, а на то, чтобы выработать взаимоприемлемые формы действия, сосуществуя теперь в едином пространстве. Именно поэтому В.А. Гельбер описывает этот этап как действие-действие. «Это взаимодействие проявляется в виде «дд»

(действие действие). Гармонично взаимодействуя не только само с собой, в форме «дд», но и со своей противоположностью - «пп» (противодействие противодействию), оно приобретает свое целостное разрешение наравне с «пд», «дп», «пп» в 4-й фазе, как «дд» (действие действия)». Эта фаза, по мнению В.А. Гельбера важна тем, что она представляет собой «венце всего процесса».

Предлагая свою концепцию, автор особенно подчеркивает, что такое рассмотрение агрессии позволяет вывести понятие агрессия из сферы деструктивных проявлений и напряжений и определять ее как импульс возникновения движения, направленного на освоение жизненного пространства в форме познавательной и

практической деятельности. В своей работе В.А.Гельбер утверждает, что агрессия – это движущая сила, и она не имеет ничего общего с деструктивностью, выступая ее прямой противоположностью. Будучи «единицей жизни», она «связывает человека с природой и обществом, формируя его мотивационно-смысловые и операционально-технические компоненты».

Данные положения важны для нас, поскольку согласуются с нашей идеей полисемичности агрессии и показывают, что феномен агрессии не сводится ни к насилию, ни к деструктивности, ни даже к намерению причинить ущерб другому. Продолжая линию исследования феномена агрессии в биологических и социальных системах, вполне логично задать вопрос о возможности рассмотрения действия как сущностной характеристики агрессии в животном мире.

Относя понятие действие только к сфере человеческого бытия, Б. Г. Юдин отмечает относительную завершенность этого акта и его направленность на реализацию осознаваемой цели и преднамеренность активности человека [36]. Он четко отличает действие от импульса или привычки как ситуативных и непосредственных поведенческих актов, хотя ситуативность, импульсивность и непосредственность и присущи человеческой жизни, как одному из видов биологической системы.

В животном мире мы видим разнообразные формы непосредственных проявлений, но, вместе с тем, присутствует поведение с элементами целеполагания и опосредования, использование орудий и средств для достижения результата (разбивание ореха камнем, выслеживание добычи, строительство жилища, создание припасов на зиму и так далее). Все эти сложные формы поведения у животных предопределены инстинктами и имеют отпечаток запрограммированности, что исключает их осознаваемость и привязывает животного к данной форме действований. Отсутствие осознаваемой цели не позволяет использовать понятие действия у животных исходя из классических определений этого понятия. И все же есть основания, которые позволяют нам выйти за пределы этого ограничения.

Во-первых, в рамках биологической программы действия животных целесообразны, направлены на поддержание и выживание вида. И в этом смысле мы можем говорить о наличии действия у животных. Если же делать акцент на непосредственности и ситуативности, то этот феномен может быть обозначен как поведение – активность, управляемая психикой.

Во-вторых, обращение к модели человеческой активности, представленной в теории деятельности А.Н.Леонтьева и С.Л. Рубенштейн, допускает возможность условно выделить у животных те же компоненты, которые традиционно описываются для человека (намерения, действия, операции). Это выделение конечно условно, так как сами компоненты мало дифференцированы между собой, фактически слитны и реализуются одновременно, непосредственно в одном акте действия, будучи сведенными в одну точку времени и пространства. Таким образом, направленность активности, воплощающаяся в движениях, и приводящая к изменениям окружающей среды – это то, что представлено в биологических системах и представляет собой аналог человеческим действиям (как мы уже отмечали выше, в мире биологическом оно получило название поведения).

Активность, имеющая агрессивный характер, в животном мире является целесообразной и связана с особенностями социологии вида, о чем свидетельствуют многочисленные исследования этологов, выступающих за целостное понимание агрессии и не сведение ее к такому элементу как деструкция.

Агрессивное поведение животных вызывается различными внешними раздражителями либо инстинктивными импульсами, состоит из различных организованных комплексов движений и определяется разными нервными механизмами [37]. Агрессивное поведение в

биологических системах приводит к нанесению повреждений другим особям и зачастую связано с установлением иерархического статуса, получением доступа к какому-либо объекту или права на определенную территорию. «В естественных условиях агрессия чаще всего является реакцией на близость другого животного, которая возникает либо при нарушении индивидуальной дистанции, либо при приближении к важным для животного объектам (гнездо, индивидуальная территория)» [37]. Таким образом, в биологических системах агрессивное поведение всегда адресовано другим особям, представляя собой своего рода «движение навстречу». Гипотетически допуская наличие у животных действия или его аналога, можно описать агрессию как действие, направленное на другого (другую особь).

Возможно ли в таком случае применить концепцию этапов развертывания агрессии В.А. Гельбер по отношению к биологическим системам и что в таком случае может происходить на каждой их фаз? Попробуем рассмотреть этот вопрос.

0-я или «потенциальная» фаза: поскольку на этом этапе действие существует лишь в виде возможности, то мы могли бы предположить, что у животных она может быть представлена на уровне инстинктивного импульса, который может стимулироваться внутренними (голод) или внешними (нарушение территории) раздражителями.

1-я фаза или фаза появления противоречия – на этом этапе внутренний импульс приобретает некую внешнюю форму выражения, формируя, условно говоря, два полюса напряжения, которые и разбивают первоначальную целостность на две составляющие, что, в свою очередь, запускает процесс действия.

2-я фаза – на этой фазе появляется противоположность первой фазе в виде элементарной целостности – противодействие воздействию. Тот объект, по отношению к которому у животного возникла активная реакция, совершает «действие в ответ», или, словами В.А. Гельбер, противодействие. Оно, с одной стороны, уравнивает первичное действие, восстанавливая целостность системы, а, с другой, - продолжает разворачивать процесс взаимодействия. От того, каким будет это ответное действие, зависит дальнейшее проявление первоначального импульса активности (агрессивного поведения). В этом смысле, вторая фаза содержит в себе потенциал третьей, подготавливая следующий этап.

3-я фаза – формируется другая элементарная целостность – «пп» (противодействие противодействию). Как отмечает В. А. Гельбер, «3-я фаза становления агрессии доказывает, что движение не замыкается на одной фазе, имеет свое диалектическое разрешение в следующих фазах становления, обогащаясь, таким образом, опытом предыдущих взаимопревращений». В поведении животного это проявляется как реакция на реакцию – и тогда это может либо погасить первоначальный импульс через удовлетворение потребности, либо перевести ее в скрытую форму (при столкновении с более сильным противником, например), либо перенаправить и дать проявиться в другой форме. В итоге, это завершает этап внешней активности животного в размещении агрессии.

4-я фаза – есть диалектическое разрешение противоречия 3-й фазы «пп» (противодействие противодействию), представляет собой взаимный поиск форм сосуществования (действие-действие). В биологических системах мы можем предполагать наличие данного этапа, наблюдая формы и способы взаимного сосуществования различных организмов в природе. Сам процесс проживания 4ой фазы происходит по сути скрытно для внешнего наблюдателя, который может видеть только результаты этой «договоренности», этого равновесия.

Таким образом, предложенная В.А. Гельбер схема развертывания агрессии может быть применима как по отношению к социальным системам, так и по отношению к биологическим. Вместе с тем, очевидно, что формы и способы проявления агрессии на каждой из фаз ее развертывания в биологических и социальных системах могут и будут отличаться своей спецификой.

Человек, сочетая в себе биологическое начало, становится человеком в полном смысле этого слова только в социальной среде. Рассматривая данную схему развертывания агрессии у человека, мы можем наблюдать многообразие форм проявления агрессии, которые включают в себя и биологическую составляющую и составляющую, обусловленную социальной средой и жизненным опытом. Многообразные формы социальной среды человека способствуют развитию и усложнению его психического аппарата и обуславливают огромный диапазон форм, способов и средств проявления агрессии и сложную систему ее регуляции. У человека каждая из форм проявления агрессии может быть осознанной и неосознаваемой, непосредственной или опосредованной, осуществляться во внешнем плане или удерживаться во внутреннем плане, существовать в форме идеального действия. Агрессивное действие может быть остановлено, смещено, отложено или отсрочено во времени и так далее.

Обращаясь к многочисленным исследованиям видов и форм агрессии и соотнося эти классификации с описанной выше схемой, мы обнаружили, что некоторые из описанных в литературе форм агрессии представляют собой этапы развертывания агрессии по схеме В.А. Гельбер. Одновременно с этим, на каждом из этапов развертывания агрессии могут иметь место разные формы и виды проявления агрессии. Рассмотрим это подробнее. 0-я или «потенциальная» фаза существует в виде замысла агрессивного действия, происходит формирование намерения. Она может иметь разные временные рамки, быть как более представленной в психике, так и более свернутой. Агрессия на этой фазе может развиваться и перейти в следующую фазу или остаться в форме намерения. Агрессия может быть подавлена и трансформирована в психосоматическую форму, либо нарастающее возбуждение принимает форму диффузного отреагирования, не имеющего конкретного адресата, и не преобразуется в намерение.

1-я фаза или фаза появления противоречия и формирования двух полюсов напряжения. Агрессия на этой фазе получает вектор, воплощенный во внешнем действии. При этом агрессия может как достигать самого объекта, так и быть смещенной, быть враждебной или инструментальной, быть физической или вербальной. Кроме того, если ситуация взаимодействия на этом этапе останавливается и ответного действия (противодействия) не следует, то такая ситуация может быть описана в терминах «агрессор-жертва».

2-я фаза или противодействие воздействию: на этой фазе появляется ответное действие (противодействие). Это противодействие может возникнуть непосредственно срочно, может быть отсроченным и опосредованным. В зависимости от того, как воспримет ситуацию другой, его ответная реакция может быть инструментальной или враждебной, может быть так же физической или вербальной. Эта ситуация может метафорически выглядеть как «взаимное толкание» и «прояснение границ» взаимодействия. В позитиве эта фаза содержит в себе потенциал для обнаружения другого и это обнаружение делает другого участником взаимодействия. Негативное развитие этой фазы может привести к реверсу предыдущего этапа («жертва-агрессор»), например, физиологический аффект в судебной практике, возникающий в ответ на противоправные действия потерпевшего.

3-я фаза или противодействие противодействию. Точно так же сочетая в себе различные формы и виды проявления агрессии, этот этап дает возможность развернуться взаимным действиям и возможность каждому из участников понять кто и что хочет в этой ситуации. Негативное развитие этой фазы характеризуется застыванием процесса взаимодействия и принимает форму взаимной вражды. В ряде случаев эта взаимная вражда становится затяжной, угасая и снова обостряясь, что можно наблюдать на примере межэтнических конфликтов.

4-я фаза – взаимный поиск форм сосуществования. На этом этапе энергия деструктивности трансформируется в энергию поиска и обнаружения позиции другого

человека и соотнесения со своим первичным намерением. Кроме того, происходит признание этого другого человека с его намерением и поиск формы взаимодействия, подходящей каждому из участников. В негативе эта фаза принимает формализованный характер и поведение может сводиться к шаблонам взаимных уступок, вежливости, этикета.

Фазы разворачивания агрессии	Позитивные проявления фазы	Негативные проявления фазы
Нулевая фаза: потенциальная	Формирование намерения	Диффузноеотреагирование или подавление намерения на фазе его формирования
Первая фаза: действие противодействию	Появление вектора, реализующегося во внешнем действии	Нарушение равновесия с формированием ситуации «агрессор-жертва»
Вторая фаза: противодействие действию	Проявление Другого как участника взаимодействия	Реверс предыдущего этапа с формированием ситуации «жертва-агрессор»
Третья фаза: противодействие противодействию	Прояснение взаимных потребностей и намерений	Ситуация вражды
Четвертая фаза: действие действию	Признание Другого с его намерением, поиск формы взаимодействия, подходящий каждому из участников	Уход в формализацию и шаблоны

Логично дополнить эту схему, предположив существование еще одной, пятой, фазы разворачивания агрессии: ее можно было бы назвать ассимилирующей. Мы полагаем, что на данной фазе происходит некоементальное осознание нового опыта. Восстановленная на новом уровне целостность «действие-действие», как точка «встречи», меняет участников взаимодействия, влияя на их опыт.

В биологических системах ассимиляция может происходить через формирующиеся в процессе взаимодействия следы (то есть изменения физиологических, нейронных и прочих характеристик), в результате появляется новый индивидуальный опыт, который может быть использован в других ситуациях.

У человека данный опыт опосредуется спецификой человеческого сознания, проходя через механизмы осознания, мыслительные процессы (анализ, синтез), получает морально-нравственную и этическую оценку.

Таким образом, анализ классических подходов и исследований в области агрессии, традиционно использующий дихотомию хорошего-плохого и морально-этическую оценочность, обнаруживает несколько ограниченное понимание и толкование этого феномена. В этой логике вполне обоснованными являются определения агрессии как причинения ущерба или вреда, как направленное выражение враждебности.

Не отрицая этой стороны в структуре агрессии, мы рассматриваем ее более объемно, включая в нее более широкий спектр феноменов, что позволяет нам говорить об агрессии как об особом рода активности, принимающей форму действия, обращенного к другому (к среде): движение к другому. Мы полагаем, что такая обращенность к другому

продиктована потребностью или потребностями живого организма, которые нуждаются в актуальном удовлетворении, необходимым для роста и развития данного организма. Агрессия как активность организма, обращенная к среде с определенным запросом, нарушает имеющуюся до этого стабильность системы и имеет векторную характеристику, у нее есть точка приложения (энергии, силы запроса). В этом побудительное начало агрессии. Без приложения силы к среде (к Другому) организм не может получить того, в чем он нуждается, иначе его рост и развитие останавливаются. Подобное понимание агрессии позволяет нам использовать герменевтический подход, возвращающий такому явлению как агрессия его полноту и полисемичность. И это дает возможность исследователям выйти за пределы морально-этической системы координат, преодолевая дихотомичность в оценке этого явления.

Мы полагаем, что структурной формой выражения агрессии, ее «клеточкой», является действие, направленное на другого (на среду). Данная направленность имеет динамический, фазовый характер, начинаясь с этапа формирования намерения и завершаясь этапом ассимиляции нового опыта, полученного во взаимодействии. Этапный, фазовый характер агрессии, многообразие вариантов развития ситуации взаимодействия, возможность прерывания или остановки процесса взаимодействия на каждом из этапов, создают богатую палитру форм и моделей агрессивных реакций. Когда мы включаем феномены разного порядка (например, конструктивные деструктивные формы агрессии) в единую систему и исследуем связи и закономерности между ними, у нас появляется возможность регулировать и выстраивать развертывание агрессивных действий применительно к различным системам с учетом сложности этого процесса.

Литература:

1. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2х т. Том 1. А-О — М.: Русский язык, 2000. – 1209 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова — 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935-1940. (4 т.).
5. Ефремова, Т. Ф. Современный словарь русского языка три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный: около 20 000 слов, около 1200 словообразовательных единиц. — М.: АСТ, 2010. — 699 с.
6. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб: Питер, 2001. — 352 с.
7. Ениколопов, С. Н. Понятие агрессии в современной психологии / С. Н. Ениколопов // Прикладная психология. — 2001. — № 1. — С. 60-72.
8. Румянцева Т. Г. Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии / Т. Г. Румянцева // Вопросы психологии. — 1991. - № 1.- С. 81-88.
9. Агрессия: понятие, подходы, диагностика: Учебно-методическое пособие/ Сост.: Л.И. Дементий, В.Е. Купченко. – Омск: Омск. госуниверситет, 2001. – 40 с.

10. Buss Arnold H. The psychology of aggression. NY. John Wiley and Sons, Inc.; First Edition (1961), 307 p.
11. Feschbach S. The function of aggression and the regulation of aggressive drive. — Psychological Review, 1964, 4, p. 257—272.
12. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Психоанализ и теория сексуальности. — Мн.: Харвест, 2004. — С.3-127.
13. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // По ту сторону удовольствия. — Мн.: Харвест, 2004. — С.3-67.
14. Фрейд З. Неизбежна ли война? Письмо Альберту Эйнштейну. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Freid/neizb_v.php
15. Шпильрейн С. Психоаналитические труды./ Пер. с англ., нем. и фр. под науч. ред. С.Ф. Сироткина, Е.С. Морозовой. - Ижевск: Эрго, 2008 г. - 444 с.
16. Адлер А. О нервическом характере. Под ред. Э. В. Соколова: пер. с нем. И. В. Стефанович / А. О. Адлер. - Спб.: Университетская книга, 1997. - С. 42-68.
17. Хорни К. Невротическая личность нашего времени.- СПб: Питер, 2014 – 304 с.
18. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 140с.
19. Кляйн М. Развитие в психоанализе. — М.: «Академический проект», 2001. – 344с.
20. Абрахам К. Характер и развитие. - // Перевод С. Жигулева, Н. Шубина. - Издательство: ERGO, 2007 г. - 180 с.
21. Лоренц К. Агрессия. – М.: РИМИС, 2009. – 352 с.
22. Бутовская М. Л., Дерягина М. А. Систематика и поведение приматов. М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. – 272 с.
23. <http://helpiks.org/1-111303.html>
24. Dollard J., Doob L., Miller N., Mowrer O. H., Sears R. R. Frustration and aggression, New Haven, Conn., Yale University Press, 1939 [Источник: <http://psychlib.ru/mgppu/periodica/pp102001/PP011060.HTM>]
25. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. – 512 с.
26. Бандура А. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений / А. Бандура. - М.: Просвещение, 1999. - 202 с.
27. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М.: АСТ, 1994. – 447с.
28. Аристотель. Метафизика / Избранные сочинения: В 4 -х т. - М.: Мысль, 1976. -Т.1.-550 с.

29.

Крипшнер С. Духовные измерения психотерапии и целительства // Вопросы психологии: Издается с января 1955 года / Ред. Е.В. Щедрина. – 1994. – №6 ноябрь-декабрь 1994 года. – С. 118-134).

30.

Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984—1985. — М., 1986.

31.

Самохвалов В.П. Психиатрическая герменевтика: обоснованиенаправления. //Таврический журнал психиатрии. - №3(20) – 2002. – С.4-11.

32.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Том 1. - Издательство: Полрадис, 1996. – 264с.

33.

Леонтьев А. Н. Деятельность, Сознание, Личность -2-е изд., стер. / А. Н. Леонтьев — М.: Смысл; 2005. - 352 с.

34.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн — СПб.:Питер, 2009. – 713 с.

35.

Гельбер В.А. Агрессия в контексте проблемы целостности. Дис. на соиск. канд. филос. наук. Томск. 2009. – 178 с.

36.

Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Том 1. М.: Мысль, 2010. – 744 с. <http://www.twirpx.com/file/253641/>

37.

Филиппечев А.О., Ступина С.Б. Зоопсихология. Конспект лекций. – М.:Юрайт, 2011. – 175 с.

http://www.e-reading.by/chapter.php/97783/3/Filip'echev,_Stupina_-Zoopsihologiya_konspekt_lekciii.html

Попова Резеда Равилевна – ст. преподаватель кафедры Общей и практической психологии ИПиО КГФУ.

Слугина Людмила Борисовна – доцент кафедры психологии МГПИ им.Евсевьева, канд. психол. наук.